

УДК 82-398.5

## АМПЛИФИКАЦИЯ ОБРАЗНОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФОРМЫ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ

*С.И. Доброва*

*Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы  
e-mail: [svetdobr@mail.ru](mailto:svetdobr@mail.ru)*

*Воронежский государственный педагогический университет*

*Статья посвящена проблеме изучения эволюции концептуальных и языковых основ фольклорного текста. Комплексному исследованию подвергнут феномен амплификации образного параллелизма макро- и микромиров как инструмент развития художественной формы в текстах различных фольклорных жанров: обрядовых и необрядовых песен, исторических песен, причитаний, баллад, заговоров и заклинаний, пословиц и поговорок, былин, частушек, загадок, примет, быличек и бывальщин, сказок и др. Анализ выполнен в сопоставительном аспекте на материале трех структурно-семантических модификаций приема, позволяющих последовательно выявить и квалифицировать этапы структурно-семантических преобразований. На материале образного параллелизма-бинома, троичного образного параллелизма и параллелизма с образным уподоблением как взаимосвязанных звеньев эволюционной цепи развития приема впервые выявлены основные способы и векторы амплификации частей и компонентного состава приема, определены критерии классификации и разработана типология амплифицированных разновидностей в контексте морфогенеза исследуемых структурно-семантических модификаций приема.*

**Ключевые слова:** *язык фольклора, образный параллелизм-бином, троичный образный параллелизм, параллелизм с образным уподоблением макро- и микромиров, амплификация художественной формы, эволюция художественных форм фольклора, эволюционно-генетическая теория развития образного параллелизма.*

### **Введение**

**Актуальность** настоящей статьи определяется разработкой одной из фундаментальных проблем современной сопоставительной и кросскультурной лингвофольклористики [Веселовский 1940; Хроленко, Бобунова, Завалишина 2004; Доброва 2004; 2018; 2021; 2022; 2023; Черноусова 2022], направленной на исследование эволюции концептуальных и языковых основ художественных форм фольклора. Решение поставленной проблемы осуществляется посредством разработки эволюционно-генетической теории развития образного параллелизма макро- и микромиров как одной из ведущих художественных форм русского фольклора, отражающих эволюцию языка фольклора как эстетически специализированной формы общенародного языка и динамику

художественного мышления этноса. Эволюционно-генетическая теория развития образного параллелизма макро- и микромиров включает три основных компонента: эволюционную семиологию (семиогенез) [Доброва 2022]; эволюционную морфологию (морфогенез) [Доброва 2023]; эволюционную концептологию (концептогенез) приема [Доброва 2004: 130-146] с учетом системных характеристик его развития (системогенеза) приема [Доброва 2004; 2022; 2023 и др.]. «Эволюционная морфология приема изучает закономерности формообразования, характер морфогенеза образного параллелизма макро- и микрокосма: эволюцию типов символической образности, сформированных в границах приема (образы-символы, символические действия и символические картины); эволюцию структурно-семантических модификаций приема; эволюцию моделей соотношения синтаксической организации образного параллелизма с его содержательной стороной» [Доброва 2023: 781]. Особую актуальность в ряду обозначенных проблем приобретает выявление и квалификация инструментов морфогенеза приема, реализующих внутреннюю динамику фольклорного текста. Ведущим инструментом морфогенеза образного параллелизма макро- и микрокосма является **амплификация** (лат. *amplificatio* – усиление, увеличение, расширение) объема частей и компонентного состава структурно-семантических модификаций приема.

**Цель** работы – исследовать способы и векторы амплификации образного параллелизма, определить критерии классификации и разработать типологию амплифицированных разновидностей в контексте морфогенеза структурно-семантических модификаций приема.

**Кумулятивный эффект эволюции** образного параллелизма проявляется в том, что каждый последующий этап его развития не отменяет предыдущий, поэтому в границах трех основных линий развития приема – классической структурно-семантической модификации и ее трансформированных и формализованных структурно-семантических модификаций – наблюдается **накопление** различных способов реализации образного параллелизма макро- и микромиров как одного из ведущих композиционных принципов организации фольклорного текста. Кумулятивный эффект эволюции приема инструментально реализуется посредством амплификации объема частей и компонентного состава структурно-семантических модификаций исследуемого приема на основных этапах его развития [Доброва 2004; 2022; 2023].

### **Материалы и методы**

**Материалом исследования** послужила авторская коллекция конструкций образных параллелизмов, аккумулярованных сплошной выборкой из устно-поэтических произведений различных фольклорных жанров и извлеченных из текстов авторитетных собраний М.К. Азадовского, Т.А. Агапкиной, В.П. Аникина, Л.А. Астафьевой,

А.М. Астаховой, А.Н. Афанасьева, Е.В. Барсова, З.И. Власовой, А.Ф. Гильфердинга, А.А. Горелова, В.И. Даля, А.С. Ермолова, П.В. Киреевского, А.И. Кретьева, С.Г. Лазутина, Л.Н. Майкова, В.Н. Мансикки, В.В. Митрофановой, В.Н. Морохина, Б.Н. Путилова, М.А. Рыбниковой, Г.Д. Рыженкова, Н.И. Савушкиной, Д. Садовникова, Ф.М. Селиванова, К.Н. Селянгиной, А.И. Соболевского, А.Н. Стрижева, А.Л. Топоркова, В.И. Чернышева и др.

В статье апробируется разработанная автором **«инновационная методика комплексного изучения и описания динамических процессов в языке русского фольклора** на материале образного параллелизма макро- и микрокосма как одного из универсальных композиционных принципов организации фольклорных текстов разных жанров с учетом неоднородности и многослойности фольклорно-языковой субстанции, сохраняющей в синхронном срезе различные этапы постижения мира этносом, отражающей диахронию в синхронии» [Доброва 2023: 781; 2004; 2018; 2018<sub>1</sub>; 2021; 2022 и др.].

Привлечение в качестве материала исследования в сопоставительном аспекте трех формализованных структурно-семантических модификаций, представляющих взаимосвязанные звенья эволюционной цепи развития приема: образного параллелизма-бинома, троичного образного параллелизма и параллелизма с образным уподоблением, – определяется возможностью на их основе последовательно выявить и квалифицировать этапы структурно-семантических преобразований приема.

### **Результаты и обсуждение результатов**

**Жанровый аспект амплификации** обусловлен отличительными чертами привлеченных для анализа структурно-семантических модификаций: образный параллелизм-бином и троичный образный параллелизм выявлены во всех без исключения фольклорных жанрах и представляют собой общежанровые фольклорные модификации приема; параллелизм с образным уподоблением выявлен в пословицах, загадках, приметах, частушках и представляет собой межжанровую структурно-семантическую модификацию приема. Исследуемые модификации приема отличаются свойствами универсальности, поскольку реализуются в различных частях фольклорного текста и на разных этапах эволюции его художественных форм.

В исследуемом корпусе текстов дифференцированы **«чистые» (не осложненные амплификацией) и амплифицированные модификации** образных параллелизмов-биномов, троичных образных параллелизмов и параллелизмов с образным уподоблением.

В результате анализа выявлены **два основных типа амплификации** структурно-семантических модификаций образного параллелизма: амплификация, развивающая художественную форму в ее границах, и

амплификация, продуцирующая новую художественную форму.

**Первый тип амплификации**, развивающей художественную форму в ее границах, представлен эволюцией частей приема по принципу организации симметричных и асимметричных моделей амплификации и эволюцией компонентного состава каждой из привлеченных для анализа структурно-семантических модификаций приема.

**Второй тип амплификации**, продуцирующей новую художественную форму, наблюдается в процессе реализации продуцирующей способности образного параллелизма-бинома, порождающего троичный образный параллелизм, а соединение развития параллелизма-бинома интерпретирующей и/или комментирующей его частью и формы троичного образного параллелизма продуцирует триадированный параллелизм с образным уподоблением в единой эволюционно-генетической цепи развития художественной формы.

**I. Образный параллелизм-бином «макрокосм – микрокосм»** – реализующая принцип отождествления реалий формализованная структурно-семантическая модификация образного параллелизма, компоненты которой (слова или словосочетания) объединены параллельной синтаксической связью и отражают совокупность двух равновеликих, функционально взаимонезависимых, *не* обладающих естественной смежностью и репрезентирующих различные миры макро- и микрокосма денотатов, которые на уровне культурного смысла представляют одно понятие высшего порядка в его единовременном многовариантном воплощении на материале образов параллельных миров [Доброва 2013].

**Параллелизмы-биномы дифференцированы в их «чистой» и амплифицированной модификациях.**

Образные параллелизмы-биномы в структурно не осложненном воплощении демонстрируют, используя термин Е.М. Мелетинского, одну из разновидностей «точного» параллелизма, в котором одна часть строго изоморфична другой, т. е. каждому элементу первой части семантически, морфологически и синтаксически соответствует аналогичный элемент второй части [Мелетинский 1968: 37]. Построения параллелизмов-биномов отличаются симметрией, сбалансированностью и устойчивостью: в загадке «*Матушкой-весной в платьеце цветном. Матушкой-зимой в саване одном. – Поле*» [Капица 2002: 162]; в частушке «Не ходите, девки, замуж – / Надо каждому служить: / Старому и малому, / Надо *свекру-дьяволу, / У свекрови-сатаны / Поищи-ка в головы!*» [Власова, Горелов 1965, № 1659]; в сказке «Нет, батюшка! Я, *Иван-дурак*» [Афанасьев 1957: 3: № 179]; в протяжной песне: «Потянула у нас *мать-погода*» [Кежма 2015: 64, № 22]; в причитании «Что ты спишь да, *мать кукушица*, / Ты спишь не пробуждаешься, / Ты невзгоды не начнешься?» [РПК 1940: 190]; в примете «*Февраль-бокогрей*» [Харченко, Тонкова 2008: 46]; в пословице «*Судьба не*

*авоська*» [Даль 1879: I: 33]; в исторической песне «Завсегда звонят во *царь-колокол...*» [Игнатов 1970: 120, № 23]; в быличке «Какой синило появится, говорят, *дедушка-домовеюшко* кусал» [Черепанова 1996, № 95]; в балладе «Мы, *сестрица-голубушка*, / Доходим-ко, досмотрим-ко» [Астахова 1963: 72]; в былине «Зашел он, поклонился во все стороны, *царю-солнышку*» [Астахова 1961: 76].

Композиционные части параллелизма-бинома в фольклорном тексте регулярно подвергаются амплификации (распространению).

**Первый тип амплификации**, развивающей параллелизм-бином в его границах, характеризуется распространением частей и/или компонентного состава параллельного построения.

В параллелизмах-биномах выявлены следующие **способы амплификации частей образного параллелизма-бинома**: ритмические повторы, тавтологические повторы, атрибутизация компонентов в частях параллелизма-бинома, распространение частей параллелизма-бинома компонентами с объектным, обстоятельственным, квантитативным значением. На материале исследуемого корпуса текстов дифференцированы асимметричные и симметричные модели амплификации частей образного параллелизма-бинома.

**Асимметричные модели амплификации** частей параллелизма-бинома характеризуются распространением одной из частей приема или обеих частей приема нетождественными способами. Амплификация демонстрирует различные виды нарушения изоморфизма параллельных построений. Степень строгости параллелизма может быть различной.

Асимметричные модели амплификации частей параллелизма-бинома характеризуются распространением **одного из компонентов параллелизма-бинома**. Основу амплификации, как правило, составляет атрибутизация компонента в одной из частей посредством образования особого вида бинома с подчинительной связью компонентов – атрибутивной пары – конструкции с эпитетом (по классификации фольклорных фразеологизмов А.Т. Хроленко) [Хроленко 1981].

В параллелизмах с гипертемой первого типа, направленной на означивание явления [Доброва 2022], образы макро- и микрокосма отличаются свободным характером их локализации в границах приема и располагаются в правой или левой части параллелизма-бинома.

Асимметричная амплификация компонентов параллелизма-бинома реализуется на материале **символической параллели с макрокосмическими образами**: в частушке «*Милашка, лебедь белая, / Куда с ведерком бегала?*» – / «*Милый мой, не за тобой – / На колодец за водой*» [Селиванов 1990: 241]; в причитании «*Зажигал свещу восковую / Братец, красно мое солнышко, / Братец, мисеца третиночка, / Братец, солнца половиночка*» [РПК 1940: 210]; в примете «*Прокл – великие росы*» [Харченко, Тонкова 2008: 101]; в исторической песне «*Пойдем-ко мы*



сражаться / *За матушку за родну землю...*» [Игнатов 1970: 134-135, № 30]; в балладе «*Мать сырая-то земля, она загоралася*» [Астахова 1963: 106]; в заговоре «*Красное солнышко батюшка, ходишь высоко, видишь далеко*» [Аникин 1998, № 619]; в том числе с тавтологическим повтором в былине «*У тебя муж был блудной блудище, / Уродилсе сын-от чудно-чудище...*» [Астахова 1961: 62].

Асимметричная амплификация компонентов параллелизма-бинома реализуется на материале **реальной параллели с микрокосмическими образами**: в исторической песне «*Ну, прости, прощай, государыня – наша матушка*» [Игнатов 1970: 181, № 69]; в частушке «*Задушевная подруга, / Мое слово – олово: / Твой братишечка Олеша / Обнимает здорово*». [Власова, Горелов 1965, № 640]; «*Ад – мой родной брат. Как мне, бабушка, подойти?*» [Худяков 1964: 125, № 46]; в причитаниях «*Как я жила на чужой на дальней злодейке — сторонушке?*» [РПК 1940: 133]; в примете «*Солнце – царь неба*» [Рыженков 1992]; в пословице «*Бог – старый чудотворец*» [Даль 1879: I: 4].

**Асимметричные модели амплификации частей бинома** характеризуются амплификацией **обеих частей приема нетождественными способами**.

Атрибутизация компонентов параллелизма-бинома в двух частях приема осуществляется с нарушением симметрии конструкции. Основу символической и реальной частей приема составляют разные виды биномов: атрибутивные пары – конструкции с эпитетом и конструкции с приложением [Хроленко 1981]: в заговоре «*...в ней лежит красная девица, тоска-чаровница...*» [Савушкина 1993, № 248]; в причитании «*Как беднота наша несчастная, / Житье-жира, горе горькое...*» [РПК 1940: 59]. Нарушение симметрии обусловлено нетождественной локализацией компонентов с атрибутивной семантикой: в частушке «*Мой миленок, голубь тайный – / На чужой сторонке дальней...*» [Власова, Горелов 1965, № 559]; в исторической песне «*Не умела ты владеть правым крылышком – войском Донским!*» [Игнатов 1970: 181, № 69].

Асимметричные модели амплификации частей приема, актуализирующие концептуальное отличие параллельных миров, конституируются асимметричным введением в одну часть параллелизма-бинома компонента с количественным значением, в другую – компонента с объектным значением: в причитаниях «*У меня горюшка – три морюшка*» [РПК 1940: 99]; введением в одну часть параллелизма-бинома компонента с атрибутивным значением, в другую – компонента с обстоятельственным значением: в пословице «*Наше счастье – вода в бредне*». [Даль 1879: I: 34]; в примете «*Лес зимой – второй тулуп*» [Рыженков 1992]; введением в одну часть параллелизма-бинома компонента с атрибутивным значением, в другую – компонента с объектным значением: в примете «*Дождливое лето – не осени чета*» [Стрижев 1972]; в причитании «*Текуть слезы у горюши –*

холодна вода» [Барсов 1872: I: 99].

**Симметричные модели амплификации** частей параллелизма-бинома характеризуются тождественным распространением символической и реальной частей приема следующими способами.

1. *Введением в обе части приема ритмических повторов.* В заговорах подобная амплификация подчинена воздействующей магической силе ритма. Введение повторяющегося компонента с добавлением уменьшительно-ласкательного суффикса формирует тождественный ритмический рисунок композиционных частей приема [Толстая 2005: 292-308]: «Вода-водица, раба-рабица, как ты моешь-полощешь желты пески, круты бережки...» [Аникин 1998, № 242].

2. *Атрибутизацией компонентов в обеих частях приема.* В каждую из параллелей вводится дополнительный компонент, выраженный атрибутивной парой – конструкцией с эпитетом, реже – с приложением [Хроленко 1981]: в заговоре «*Праведным солнцем, матерным сердцем на детиную кров(ь)...*» [Топорков 2010, № 35]; в пословице «*Господня воля – наша доля*» [Даль 1879: I: 5]; в примете с образами месяцеслова «*11 февраля – Морозобитая былинка*» [Селянгина 2005]; в балладе «*У нас сестра хороша, / Голубушка пригожа...*» [Астахова 1963: 75]; в былине «*Увидела Соловья мать родимая, гроза великая*» [Астахова 1961: 49]; в причитаниях «*Придет праздничек-гуляньице, / Воскресеньице-весельице*» [РПК 1940: 84].

3. *Введением в обе части приема тождественного числового компонента.* В заговорах идентичное в применении к объектам символического и реального миров магическое число, будучи языковой и концептуальной скрепой параллельного построения, актуализирует тождество сопоставляемых образов по количественным показателям параллельных миров: «...змолюся *трем ветрам, трем братьям*» [Савушкина 1993, № 206]; «...с правой, со восточной стороны летят *три врана, три брательника...*» [Савушкина 1993, № 49]; в балладах «*Принёсла вдова два сына, и два ясна сокола...*» [Астахова 1963: 135]; «*Есть два братца родных, два булатных ножа...*» [Астахова 1963: 141].

**Амплификация компонентного состава параллелизма-бинома** осуществляется **вводом дополнительных образов в части параллелизма-бинома** или **вводом двух параллельных построений**.

Увеличение компонентного состава приема осуществляется вводом дополнительных образов символической части параллелизма-бинома: в заговорах от бессонницы и детского крика многократно увеличено число чудесных помощников: «*Заря-зорица, красная девица: ночная заря Дарья, утренняя Мария, денная Пелагея, приди и унеси у моего младеня (имя) бессонницу и беспокоицу*» [Аникин 1998, № 128]; «*Куры белы, куры серы, куры пёстры – все родные сестры, возьмите с младенца (имя) крик*» [Аникин 1998, № 228]; в приметах «*Тимофей-весновей, Солногрей,*

*водотек*» [Харченко, Тонкова 2008: 66]; в том числе с образами месящеслова «10/23 февраля – Прохор» [Рыженков 1992].

Увеличение компонентного состава приема осуществляется вводом дополнительных **образов реальной части параллелизма-бинома**: в приметах «Лето крестьянину – мать и отец» [Рыженков 1992], в том числе с образами месящеслова: «21 февраля – Никифоры, Панкраты» [Селянгина 2005]. Правая часть приметы включает два построенных по одинаковой модели параллелизма-бинома с разными персонификатами: «30 апреля – Зосима-пчельник и Симеон-морковник» [Селянгина 2005].

Увеличение компонентного состава приема осуществляется вводом дополнительных **образов в обе части параллелизма-бинома**: в заговорах «Ох, куры, куры лохматы, петухи и хохлаты, криксы-вариксы, дневные, ночные, полуночные! Выходите, выступайте из младенца (имя)...» [Аникин 1998, № 230]; «Заговорим у раба Божия младенчика (имя) денной рык, ночной вой – смолливой пень, тёмной лес...» [Аникин 1998, № 234]; в приметах с образами месящеслова вводом двух дат и двух персонификатов «24 января/6 февраля – Ксения (Аксинья)» [Рыженков 1992].

**Амплификация компонентного состава параллелизма-бинома** осуществляется **вводом двух и более параллельных построений**: в приметах «Лето – припасиха, а зима – подбериха» [Рыженков 1992]; «Май – радость, а июнь – счастье» [Селянгина 2005]; «Покров не лето, а Сретенье не зима» [Харченко, Тонкова 2008: 60]; в пословицах «Колокольный звон не молитва (а крик не беседа)» [Даль 1879: I: 20]; «Курица не птица, а баба не человек» [Даль 1879: I: 439].

**Второй тип амплификации**, продуцирующей новую художественную форму, наблюдается при **распространении параллелизма-бинома по принципу троичного параллелизма**. В плане структуры анализируемая модификация получает распространение на базе одной из разновидностей синтаксической основы троичного параллелизма.

II. В эволюционно-генетической цепи структурно-семантических преобразований художественной формы выявлены **переходные модификации между образным параллелизмом-биномом и троичным образным параллелизмом**, созданные распространением одной из частей параллелизма-бинома на синтаксической основе троичного параллелизма. В приметах представлена разновидность отрицательного параллелизма-бинома с распространением отрицательной конструкции однородным членом, который вводится в текст приметы без сочетания с отрицательной частицей *не*. В корпусе параллельных построений исследуемая разновидность демонстрирует эволюцию приема в сторону положительных форм: «Март – не весна, а предвесенье» [Харченко, Тонкова 2008: 60]. Переходной модификацией является перерастание компонентного состава параллелизма-бинома в троичный образный параллелизм посредством ввода вариантов одной из частей: в пословицах



«Молитва – полпути к богу (или: ко спасению)» [Даль 1879: I: 7].

**Троичный образный параллелизм**, или **образный параллелизм в его троичной модификации**, – структурно-семантическая модификация образного параллелизма, конституируемая тремя синтаксически подобными компонентами – моно- или полипредикативными единицами или однофункциональными членами монопредикативной единицы, в которой компоненты приема представлены образами параллельных макро- и микромиров: первые два (реже – только первый) – образами одного мира, а третий (более распространенный) – образами другого мира.

**По характеру и моделям амплификации частей дифференцированы «чистый» и амплифицированный троичные образные параллелизмы.**

**«Чистый» троичный образный параллелизм**, не осложненный амплификацией частей, состоит из трех компонентов, каждый из которых репрезентирован **однословной** конструкцией: в былинке *«солнышко – Владимир – князь»* «Здравствуй, солнышко Владимир-князь!» [Астахова 1961: 49]; в исторической песне *«батюшка – царь – надежда»* «Ты наш батюшка-надежда царь...» [Игнатов 1970: 98, № 12]; в быличке *«медведушко – ласка – дедушко»* «Дедушко-медведушко, ясно, ласка и есть...» [Черепанова 1996, № 114]; в причитаниях *«свет – кормилец – батюшка»* «Вы прощайтесь-ко крепешенько / Со кормильцем-светом-батюшкой» [РПК 1940: 106]; в лирической песне *«Никифор – свет – Агапович»* включает в свой состав построение с атрибутизацией имени вводом отчества персонажа: «Ко этому ко столу / Никифор свет подходил, / Агапович проходил...» [Киреевский 1911-1929, № 1546].

**Амплификация троичного образного параллелизма** воплощает особый этап эволюции художественной формы и осуществляется **по двум векторам**: амплификация одного или двух компонентов приема и блочная амплификация каждого из трех компонентов. Амплификация компонентного состава приема в связи с заданной культурной семантикой троичности не выявлена.

Основными **способами амплификации компонентов троичного образного параллелизма** в границах приема являются тавтологический повтор лексемы или групп лексем; ввод тавтологического эпитета; повтор в сочетании с варьированием морфемного состава опорной лексемы путем прибавления приставок, уменьшительно-ласкательных суффиксов; варьирование путем сочетания опорной лексемы с местоименным дублированием и различного рода компонентами с атрибутивной семантикой (в составе атрибутивных пар – конструкций с приложениями и конструкций с эпитетами-прилагательными) и/или компонентами с количественной семантикой, в том числе в составе ассоциативных и счетных рядов.

**Первый вектор** распространения компонентов троичного образного параллелизма проявляется в **амплификации одного или двух компонентов приема**: в заговоре «*Кровь – яровица, красная девица, поиграла, пошутила на белом камушку...*» [Савушкина 1993, № 63]; в примете «*Маньяки – белые пути – падающие звезды*» [Ермолов 1905: 311]; «*Папороть-трава – царь надъ цветами*» [Ермолов 1905: 415]; в причитании «*Ох, я глупая да неразумная, / Сирота, вдова-горе-горькое...*» [РПК 1940: 120]; в частушке «*Милочка-картиночка, / Последня вечериночка. / Отпустите милочку / Ко мне на вечериночку*» [Власова, Горелов 1965, № 3760]; в приметах «*Весна-кесница – подснежников царица*» [Рыженков 1992]; в быличках и бывальщинах воплощает идею репрезентации сверхъестественного персонажа в образах параллельных миров «*Ласка и есть доможирка, белый зверек, как чего-то не ко двору, то скотина плохая будет, ласка сделает...*» [Черепанова 1996, № 114]

Построение обращения по принципу троичного параллелизма с образами макро- и микромиров включает троекратное повторение имени предмета или явления, варьированное посредством уменьшительно-ласкательного суффикса и прибавления эпитета [Оссовецкий 1957: 483-486; Артеменко 1977: 64-65]: в заговоре «*Заря-заряница, красная девица, поди к старому хозяину на пяту...*» [Аникин 1998, № 141]; в причитании «*Ты, касатка моя, ластушка, / Любезная моя внучушка...*» [РПК 1940: 91]; в частушке «*Ты, сударушка Варварушка, / Веселенькой глазок!*» [Власова, Горелов 1965, № 207]; в пословице «*Ой вы, матери-килейницы, сухопарья сидидомы!*» [Даль 1879: I: 20]; в былине троичный образный параллелизм усиливается троекратным повтором сквозного эпитета с общей характеристикой макро- и микрокосмических образов «*Уж ты старая собака захлыничива, / Уж ты стар, смотри, да стар казак, / Ты не спрашивай у меня ни отца ни матери...*» [Астахова 1961: 73]; в исторических песнях лексический повтор сопровождается местоименным повтором «*На коня Платов садится / И французу говорит: / «Ах ворона, ты ворона, / Загумённая карга!...*» [Игнатов 1970: 222-223, № 105].

**Второй вектор** распространения компонентов троичного образного параллелизма проявляется в блочной амплификации каждого из трех компонентов приема, при этом третий компонент, как правило, также построен по принципу троичного образного параллелизма. Модели блочной амплификации отличаются разнообразием способов ее осуществления и их комбинаторики: в заговоре «*Травушка шелковая, водушка ручьевая, зори-заряницы, зори – красные дивицы...*» [Логинов 2006: 77]; в балладе «*Красота ли ты моя, красоточка! / Ох ты счастье ли мое, счастьеце! / Талану-участи доля горькая!*» [Астахова 1963: 128]; в исторической песне «*Ты злодей-злодей, ретиво сердце, / Ретиво сердце молодецкое!*» [Игнатов 1970: 172, № 62-63]; в названии сказки «*Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде*» [Афанасьев 1957,

№ 171-178]; в приметах «*Никола студёный – волчий свят, маковый закат*» [Харченко, Тонкова 2008: 79].

**Второй тип амплификации**, продуцирующей новую художественную форму, наблюдается в соединении развития параллелизма-бинома интерпретирующей и/или комментирующей его частью и формы троичного образного параллелизма, которое продуцирует триадируемый параллелизм с образным уподоблением в единой эволюционно-генетической цепи развития художественной формы.

III. В эволюционно-генетической цепи структурно-семантических преобразований исследуемой художественной формы выявлены **переходные модификации между троичным образным параллелизмом и триадируемым параллелизмом с образным уподоблением**. В триадируемом параллельном построении третий компонент является общим для первого и второго и интерпретирует основы для их уподобления в составе образного параллелизма: в пословице «*Жених что лошадь: товар темный*» [Даль 2000: 385]; «*Невеста что лошадь: товар темный*» [Даль 2000: 385].

**Параллелизмы с образным уподоблением** – формализованная триадируемая структурно-семантическая модификация образного параллелизма макро- и микромиров, конституируемая параллелизмом-биномом, части которого репрезентируют субъект и объект уподобления, выраженные разносубстанциональными образами параллельных макро- и микромиров, и интерпретирующей и/или комментирующей частью, в которой представлена разноаспектная характеристика общих для субъекта и объекта уподобления признаков, составляющих содержательную основу уподобления.

**Параллелизм с образным уподоблением дифференцирован в его «чистой» и амплифицированной модификациях.**

«Чистый» параллелизм с образным уподоблением, не осложненный амплификацией частей параллелизм-бинома, выявлен **в положительной модификации**: в примете «*Июль – сладкоежка: щедр на душистые ягоды*» [Харченко, Тонкова 2008: 87]; в пословице «*Борода – трава, скосить можно*» [Даль 1879: I: 20]; с экспликацией средств уподобления «*Горе, что годы: бороздки прокладывает*» [Даль 1879: I: 145]; **в отрицательной модификации**: в пословицах «*Беда не дуда: поиграв, не кинешь*» [Даль 2000: 72]; «*Грязь не сало: потёр, оно и отстало*» [Даль 2000: 78]; «*Счастье не палка, в руки не возьмёшь*» [Даль 1879: I: 56].

Параллелизм с образным уподоблением зафиксирован в его разнообразных амплифицированных модификациях и дифференцирован **по характеру моделей амплификации частей приема**.

Амплификация параллелизма с образным уподоблением воплощает особый этап эволюции художественной формы и осуществляется по **четырем основным векторам**: амплифицируются одна или две части

параллелизма-бинома; амплифицируется интерпретирующая и/или комментирующая часть; амплифицируются и части параллелизма-бинома, и интерпретирующая и/или комментирующая часть; амплифицируется компонентный состав параллельного построения.

В исследуемом корпусе текстов выявлены следующие **основные способы амплификации частей** параллелизма с образным уподоблением: атрибутизация субъекта и/или объекта уподобления, в том числе вводом сквозного эпитета посредством лексического повтора и в границах атрибутивной пары – конструкции с приложением; распространение посредством ввода компонента с объектной и/или обстоятельственной семантикой; уточнение, расшифровка номинации (*гальё (галки), драньё (драный тёс)*); репрезентация вариативности субъекта уподобления (*жених, невеста*); «разрастание» компонентного состава субъекта и/или объекта уподобления до развернутой символической картины с многокомпонентным составом; распространение интерпретирующей части приема вводом дополнительного комментария посредством союзов *то есть, или*, словами *и пр.*, уточнением, о ком идет речь (*о вдове*) и др.

**Первый вектор** амплификации параллелизма с образным уподоблением представлен распространением одной или двух частей входящего в его состав параллелизма-бинома. На материале исследуемого корпуса текстов дифференцированы асимметричные и симметричные модели амплификации частей образного параллелизма-бинома.

**Асимметричные модели амплификации** частей бинома характеризуются распространением субъекта или объекта уподобления и распространением субъекта и объекта уподобления нетождественными способами.

Асимметричная амплификация компонентов параллелизма-бинома в составе параллелизма с образным уподоблением реализуется на материале **субъекта уподобления (левого компонента параллелизма-бинома)**: в пословицах «*Его ласка не коляска: не сядешь, да не поедешь*» [Даль 2000: 66]; «*Чужой рот – не огород, не притворишь*» [Даль 2000: 198]; в том числе посредством уточнения номинации «*Лжа (ложь), что ржа: тлит*» [Даль 2000: 99], ввода вариантов «*Жених (Невеста) что лошадь: товар темный*» [Даль 2000: 385]; в приметах «*Западный ветер – плаксун, дождь приводит*» [Жарков 1954, № 120]; «*Федосеевы морозы-худосеи: сев поздний яровых будет*» [Рыженков 1992]; в частушках «*У милого matka бес, / Выбирает всех невест: / Эта хуже, эта лучше, / Эта много хлеба ест!*» [Власова, Горелов 1965, № 2993]; «*У милого чай пила – / Чашечку разбила. / У него сестра – собака, / Меня побранила*» [Власова, Горелов 1965, № 1811].

Асимметричная амплификация компонентов параллелизма-бинома в составе параллелизма с образным уподоблением реализуется на материале **объекта уподобления (правого компонента параллелизма-бинома)**: в



пословицах «*Политика – тухлое яйцо (неосторожно разобьёшь, так одна только вонь. Суворов)*» [Даль 1879: II: 186]; «*Казна – не убогая вдова: её не оберёшь*» [Даль 1879: I: 285]; «*Счастливый – что калач в меду (к нему все пристаёт)*» [Даль 1879: I: 48]; «*Мужик – деревянная рогатина (колоть не колет и пороть не порет, а торчит копылом)*» [Даль 1879: II: 271]; в том числе посредством уточнения номинации: в пословицах «*Деньги что гальё (галки): всё в стаю сбиваются*» [Даль 1879: I: 63]; «*Враньё, что драньё (драный тёс): того гляди руку занозишь*» [Даль 1879: I: 236], с помощью разделительного союза или: «*Бог не Макешь (или: Мокошь, языческое божество), чем-нибудь да потешит*» [Даль 1879: I: 4].

Асимметричные модели амплификации обеих частей бинорма реализуются **амплификацией субъекта и объекта уподобления нетождественными способами**: в пословице «*Счастье без ума – дырявая сума (что найдёшь, и то потеряешь)*» [Даль 1879: I: 44]; в примете «*А рядом тополь – городской старожил: раскидистый, величавый*» [Стрижев 1972]. Уравнивание текстового объема композиционных частей создает эффект псевдосимметрии: «*День-синитель, васильковый повелитель: все весенние цветы расцветают*» [Харченко, Тонкова 2008: 78], в том числе вводом в одну из частей бинорма вариантов компонента с атрибутивной семантикой (или: ...) и варьированием его локализации: в пословице «*Горе наше – ржаная (или: гречневая) каша, а поел бы и такой, да нет никакой*» [Даль 1879: I: 73].

**Симметричные модели амплификации** частей бинорма представлены амплификацией и субъекта, и объекта уподобления посредством их симметричного распространения согласованным определением: в пословицах «*Дворянский сын, что ногой дрягает*» [Даль 2000: 357]; «*Фарисейские корабли – что сельские воробьи: гинут*» [Даль 2000: 63]; «*Поповы детки, что голубые кони: редко удаются*» [Даль 2000: 352]; «*Казаки в Запорогах – пни при дорогах (кто ни едет мимо, того и зацепят)*» [Даль 1879: I: 155]; в том числе в отрицательных модификациях приема: «*Чужой роток – не свой хлевок, не затворишь*» [Даль 2000: 198]; в примете «*Утренняя роса – добрая слеза: ею лес умывается, с ночкой прощается*» [Стрижев 1972].

Амплификация субъекта и объекта уподобления реализуется на основе лексического повтора компонента с атрибутивной семантикой, который актуализирует сходные характеристики уподобляемых в границах параллельного построения образов: в пословицах «*Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца*» [Даль 1879: I: 439]; «*Старый холон – старый пёс; со двора долой, либо под лавку*» [Даль 1879: I: 142]; «*Язык мой – враг мой (наперед ума лепечет)*» [Даль 1879: I: 391].

«Разрастание» компонентного состава субъекта и объекта уподобления может достигать объема развернутой символической картины



с многокомпонентным составом: в пословице «*Овца руно растит, а скупой деньги копит – не про себя*» [Даль 1879: I: 104].

Исследуемые построения в приметах являются специфически жанровыми и представлены модификациями параллелизма с образным уподоблением, в которых параллелизм-бином строится по модели «*дата (число и месяц) – персонификат (лексема день и имя // имя-приложение)*». Конструкция, получающая распространение в части репрезентации функций персонификата, формирует троичную модификацию параллелизма с образным уподоблением: «*7 июня – День Елисея. Крапиву секут, чтобы дождь пошел*» [Селянгина 2005]. Исследуемому построению также свойственна амплификация объекта уподобления посредством его выражения в форме параллелизма-бинома по модели «*имя-приложение*» (*Прокон-перезимник, Арина-шиповница*): «*12 марта – Прокон-перезимник, дорогу рушит, увяз в сугробе*» [Селянгина 2005]; «*1 октября – Арина-шиповница: собирают плоды шиповника, сушат их*» [Селянгина 2005].

**Второй вектор** амплификации параллелизма с образным уподоблением представлен распространением интерпретирующей и/или комментирующей части: в пословице «*Сон смерти брат. Уснул – помер. Спит человек – неживой*» [Даль 1879: I: 673].

Генетическую основу амплификации составляет объективируемая на уровне сопоставления разных текстов вариативность интерпретирующей и/или комментирующей части при тождественном параллелизме-биноме в границах параллелизма с образным уподоблением: в пословицах «*Ночь матка: всё гладко*» [Даль 1879: I: 180] – «*Ночь матка – выступишь, где гладко*» [Даль 1879: I: 675]; «*Деньги не щепки, счётом крепки*» [Даль 1879: I: 71] – «*Деньги не щепки (т.е. считай, да поберегай)*» [Даль 1879: I: 71].

Интерпретирующая часть параллелизма с образным уподоблением выражена однословной конструкцией и не содержит амплификации: «*Лжа (ложь), что ржа: тлит*» [Даль 2000: 99]. Механизм распространения интерпретирующей части выявляется при сопоставлении разных текстов, демонстрирующих эволюцию художественной формы в процессе ее функционирования: «*Торг – яма: стой прямо!*» [Даль 1879: II: 8] – «*Торг – яма: стой прямо; берегись, не ввались; упадёшь – пропадёшь*» [Даль 1879: II: 8].

В исследуемом корпусе текстов зафиксированы построения с комментарием, который распространяет интерпретирующую часть посредством ввода союзов *то есть, или, слов и пр.*, уточнения, о ком идет речь (*о вдовце*): в пословицах «*Земля – тарелка: что положишь, то и возьмёшь*» (*т.е. каково обрабатываешь, сколько нажму, каковы семена и пр.*)» [Даль 2000: 452]; «*Денежка не бог, а бережёт (или: а милует)*» [Даль 1879: I: 66]; «*Удача – кляча: садись да скачи (или: скачи да кричи)*» [Даль 1879: I: 57]; «*Человек не бочка, не нальёшь, да не заткнёшь гвоздём (т.е. не удовлетворишь)*» [Даль 2000: 296]; «*Бог не мужик (т.е. не обидит): бабу*

*отымет, а девку даст (о вдовце)*» [Даль 1879: I: 3]. Амплификации может подвергаться не вся комментирующая часть, а ее сегмент: в пословице «*Брюхо не зеркало: что проглотил (что попало), то и чисто*» [Даль 1879: II: 480]; в примете «*Вода матушка – очищенница, и руду (кровь) нашу примаитъ (принимаетъ), и тело очищаетъ*» [Ермолов 1905: 340].

**Третий вектор** амплификации параллелизма с образным уподоблением представлен распространением и частей параллелизма-бинома (субъекта и/или объекта уподобления), и интерпретирующей и/или комментирующей части: в пословицах «*На кривой суд, что на милость – образца нет (т.е. всё возможно)*» [Даль 1879: I: 189]; «*Повадишься к вечерне – не хуже харчевни: ныне свеча – ан шуба с плеча (укор скупых мужей женам)*» [Даль 1879: I: 10]; «*Бог не как свой брат, скорее поможет (или: проси, так поможет)*» [Даль 1879: I: 2]. В примете интерпретирующая часть также содержит в своих границах параллелизма-биномы: «*16 декабря – Иван Молчальник, слово – серебро, молчание – золото*» [Селянгина 2005]; сравн. польское изречение: «*Реки – жилы земли, течет по нимъ вода, какъ у человека кровь*» [Ермолов 1905: 359].

**Четвертый вектор** представлен амплификацией компонентного состава параллельного построения.

Амплификация компонентного состава параллелизма с образным уподоблением осуществляется **вводом двух объектов уподобления или вводом двух параллельных построений**.

Амплификация компонентного состава параллелизм с образным уподоблением **вводом двух объектов уподобления** представлена **пятью разновидностями**.

1. **Объекты уподобления выражены образами параллельных миров, каждый имеет свою интерпретирующую часть, объединяющую их с субъектом уподобления.** В границах построения формируется параллелизм объектов уподобления, выраженных образами природного и артефактного макромиров: в частушке «*картошка – свечка*» «*Ох, любовь-то не картошка – / Не рассадишь по грядам! / Не стеариновая свечка – / Не сожжешь по вечерам!*» [Власова, Горелов 1965, № 1307].

2. **Объекты уподобления выражены образами параллельных миров и имеют общую интерпретирующую часть, объединяющую их с субъектом уподобления.** В границах построения формируется параллелизм объектов уподобления в сфере человеческого микрокосма: в частушке «*родители – губители, зарезники*» «*Вы родители-губители, / Зарезники мои: / Меня без ножика зарезали – / С любым поразвели*» [Селиванов 1990: 42].

3. Амплификация компонентного состава параллельной конструкции с образным уподоблением осуществляется **вводом в состав каждой параллели бинома парного образа**: в пословице «*Мы с тобой, что рыба*

*с водой: я на лед, а ты под лед»* [Даль 1879: II: 356]; *«Мы с тобой, как рыба с водой: ты ко дну, а я на берег»* [Даль 1879: II: 356].

4. Амплификация компонентного состава параллельной конструкции с образным уподоблением осуществляется **вводом в его состав двух параллелизмов-биномов**.

Два параллелизма-бинома в составе исследуемой структурно-семантической модификации приема **объединены общей для них интерпретирующей частью**: *«Девка не курица, парень не кочет; не жениться им, где кто захочет»* [Даль 2000: 379]; *«Деньги прах, а животы – что голуби: где поведутся»* [Даль 1879: I: 81]; в частушке *«Дроля, я тебе не роза, / Да и ты не алый цвет. / Только два словечка требуется: / Любишь или нет?»* [Власова, Горелов 1965, № 2673].

В двух параллелизмах-биномах может быть представлен один и тот же объект или субъект уподобления, реализующий сквозную тему двух параллельных построений с общей интерпретирующей частью: один и тот же объект уподобления (*вода*) в пословице *«Деньги что вода. Богатство – вода: пришла и ушла»* [Даль 1879: I: 71]; один и тот же субъект уподобления (*лирический персонаж*) в частушке *«Я не утка, я не гусь, / По морю плавать не берусь. / Написала бы писемушко – / Родителей боюсь»* [Власова, Горелов 1965, № 2804], в том числе с вводом одного и того же субъекта уподобления (*бабы*) посредством лексического повтора в частушке *«Бабы-дуры, бабы-дуры, / Бабы – бешенный народ: / Где увядят девку с парнем, / И глядят – разинут рот»* [Селиванов 1990: 400].

Каждый из двух параллелизмов-биномов в составе структурно-семантической модификации **имеет свою интерпретирующую часть**.

Два параллелизма-бинома имеют одинаковый объект уподобления (*мода*), вводимый с отрицательной частицей *не*, что формирует в границах приема также параллелизм субъектов с нетождественной формой их выражения *«голубой платок – далеко любить»*: *«Голубой платок – / не мода, Вся середина выгорит. / Далекo любить – не мода, / Все сердечко выболит»* [Власова, Горелов 1965, № 3509]. В ряде случаев один из параллелизмов-биномов вводится с помощью лексического повтора, а локализация параллелизмов-биномов и интерпретирующих их частей имеет линейный последовательный характер: *«Девки – блохи, девки – блохи, / А ребята – комары. / Девки ходят до полночи, / А ребята – до зари!»* [Власова, Горелов 1965, № 1585].

5. Амплификация компонентного состава параллельной конструкции с образным уподоблением осуществляется **вводом парного образа только в одну из частей бинома**: в пословице в левой субъектной части *«Горох да репа – завидное дело: кто ни идёт, урвёт»* [Даль 1879: I: 165]; в пословице в правой объектной части *«Денежка – молитва, что острая бритва (т.е. все грехи сбреет)»* [Даль 1879: I: 67]; в примете в левой субъектной части с двумя календарными днями при общем персонификате месяцеслова

(параллелизм-бином *Екатерина-санница*) «6 марта, 7 декабря – *Екатерина-санница* – начало санной страды» [Харченко, Тонкова 2008: 65]; в примете в правой объектной части с двумя персонификатами месяцеслова при общем календарном дне (*5 августа*) «5 августа – *Пуд и Трофим* – бессоники. *Трофим* – бессоник – хорошему хозяину день мал» [Селянгина 2005].

Зафиксировано структурирование фольклорного текста **на основе контактной локализации одновременно двух параллельных построений**. Текст приметы содержит два последовательно реализованных параллелизма с образным уподоблением: «11/24 января – *Федосий Весняк*. ...*Морозы в этот день неблагоприятны для будущих яровых: «Федосеевы морозы-худосеи: сев поздний яровых будет»* [Рыженков 1992].

### **Заключение**

Образный параллелизм на различных этапах эволюции его концептуальных и языковых основ отражает формирование определенных «семантических конвенций» (термин С.В. Лебедевой) между образами параллельных макро- и микромиров и «фиксирует связь процессов восприятия с процессом познания сущности окружающего мира, ...внутренних связей» [Лебедева, Денисова, Стародубцева 2017: 78-84; 2017<sub>1</sub>: 68-76]. Исследование динамических процессов в языке фольклора на материале данных морфогенеза структурно-семантических модификаций образного параллелизма и амплификации приема как инструмента концептуального и языкового развития художественной формы позволяет выявить и квалифицировать «...исторические изменения, произошедшие в традиционных фольклорных текстах, то есть зафиксировать ...«эволюцию» их языка» [Супряга 2021: 229-241].

Перспективой исследования видится привлечение к анализу в качестве фактического материала данных новейших лексикографических комплексов как объективного источника изучения языка фольклора [Бобунова 2016; Бобунова, Климас 2019] с целью исследования жанровых особенностей, территориальной специфики [Ларина, Малыхина, Праведников 2018] динамических процессов в языке фольклора.

### **Библиографический список**

*Артеменко Е.Б.* Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж: ВГУ, 1977. 160 с.

*Барсов Е.В.* Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Ч. 1: (Плачи похоронные, надгробные и надмогильные). М.: Тип. «Современные известия», 1872. [8], XXXI, 327, XXXIII с.

*Бобунова М.А.* Лексикографический комплекс как источник изучения



языка фольклора // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 3 (22). С. 13–18. [Электронный ресурс]. URL: [https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/022-003\\_Uf68oMg.pdf](https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/022-003_Uf68oMg.pdf) (дата обращения: 31.05.23).

*Бобунова М.А., Климас И.С.* Концепт «СТАРЫЙ» в русском эпосе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 2 (33). С. 17-28. [Электронный ресурс]. URL: [https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get\\_pdf/3240](https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3240) (дата обращения: 31.05.23).

*Астахова 1961* – Былины Печоры и Зимнего берега: (новые записи) / изд. подгот. А.М. Астахова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. 608 с.

*Худяков 1964* – Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. М.-Л.: Наука, 1964. 301 с. (в примерах указывается номер страницы и номер сказки).

*Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940. 648 с.

*Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 468 с.

*Даль В.И.* Пословицы русского народа. / Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. Спб.: Гостиный двор, №№ 17 и 18; М.: Кузнецкий мост, д. Третьякова, 1879. Том I. 685 с. Том II. 638 с.

*Доброва С.И.* Кросскультурный аспект характеристики места отсылки болезни в русских и болгарских лечебных заговорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов. Воронежский государственный университет, Филологический университет, Кафедра славянской филологии. Воронеж, 2018. С. 230-241.

*Доброва С.И.* Морфогенез образного параллелизма макро- и микрокосма в русских народных загадках // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. 2023. Том 16. Выпуск 3. С. 780-788. <https://doi.org/10.30853/phil20230093>

*Доброва С.И.* Семантика субъектного плана и типология формул параллелизмов-биномов (на материале заговорных текстов) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2013. № 1 (260). С. 192-198.

*Доброва С.И.* Технология параллелистического анализа как инструмент кросскультурной лингвофольклористики (на материале формулы отсылки болезни в русских и болгарских заговорах) // Филология и человек. 2018<sub>1</sub>. № 1. С. 97-108.

*Доброва С.И.* Типология образных параллелизмов в составе счетных рядов (на материале русских народных лирических песен) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). С. 42-59. [Электронный ресурс]. URL: [https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get\\_pdf/4109/](https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4109/) (дата обращения: 31.05.23).



*Доброва С.И.* Эволюция семиотических основ образного параллелизма макро- и микрокосма в фольклорном тексте // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 2 (45). С. 94-113. [Электронный ресурс]. URL: [https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get\\_pdf/4435/](https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4435/) (дата обращения: 31.05.23).

*Доброва С.И.* Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия: монография. Воронеж: ВГПУ, 2004. 175 с.

*Ермолов А.С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. В 4 томах. Спб.: тип. А.С. Суворина, 1901-1905. Т. 4: Народное погодоведение. 1905. XII, [2], 468 с.

*Жарков С.Н.* Народные приметы и предсказания погоды. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1954. 169 с. (в примерах указывается номер приметы).

*Игнатов В.И.* Русские исторические песни: хрестоматия. М.: Высшая школа, 1970. 255 с. (в примерах указывается номер страницы и номер песни).

*Капица Ф.С.* Русский детский фольклор: Учебное пособие для студентов вузов / Ф.С. Капица, Т.М. Колядич. М.: Флинта: Наука, 2002. 320 с.

*Ларина Л.И., Малыхина Т.М., Праведников С.П.* Еще раз о региональной самобытности былинной лексики // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (28). [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-007.pdf> (дата обращения: 31.05.23).

*Лебедева С.В., Денисова В.В., Стародубцева Е.А.* Конвенциональная синонимия в ментальном лексиконе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. № 3 (26). С. 78-84. [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/026-010.pdf> (дата обращения: 31.05.23).

*Лебедева С.В., Денисова В.В., Стародубцева Е.А.* Психолингвистические аспекты семантического сходства // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017<sub>1</sub>. № 4 (27). С. 68-76. [Электронный ресурс]. URL: [https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/027-010\\_AYf2XVo.pdf](https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/027-010_AYf2XVo.pdf) (дата обращения: 31.05.23).

*Логинов К.К.* Этнокультурная группа русских Водлозерья / Отв. ред. А.К. Байбурун. М.: Наука, 2006. 276 с.

*Мелетинский Е.М.* Эдда и ранние формы эпоса (Серия «Исследования по теории и истории эпоса»). М.: Наука, 1968. 364 с.

*Черепанова 1996* – Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. коммент. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПб. Ун-та, 1996. 209 с. (в примерах указывается номер текста).

*Астахова 1963* – Народные баллады. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Д.М. Балашова; общ. ред. А.М. Астаховой. М.-Л.: Советский писатель, 1963. 449 с.

*Рыженков 1992* – Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. Г.Д. Рыженков. М.: Современник, 1992. 127 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/adv-/adv-animal/1083975-5-georgij-ryzhenkov-narodnyj-mesyaceslov.html#book> (дата обращения 31.05.2023).

*Афанасьев 1957* – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 тт. – М.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1957. Т. I. 515 с.; 1957. Т. II. 510 с.; 1958. Т. III. 562 с. (в примерах указывается номер страницы и номер сказки).

*Оссовецкий И.А.* Стилистические функции некоторых суффиксов имен существительных в русской народной лирической песне // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 7. М., 1957. С. 468-505.

*Киреевский 1911-1929* – Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия / Под ред. Акад. В.Ф. Миллера и проф. М.Н. Сперанского. М.: О-во любителей росс. словесности при Моск. Ун-те, 1911-1929. Вып. I-II. Вып. I: Песни обрядовые. М., 1911. 356 с. Вып. II, ч. 1: Песни необрядовые. М., 1917. 125 с. Вып. II, ч. 2: Песни необрядовые. М., 1929. 389 с. (в примерах указывается номер песни).

*Кежма 2015* – Песни старой Кежмы: фольклорные экспедиционные материалы / сост. Н. А. Новоселова; Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный центр народного творчества Красноярского края». Красноярск: ГЦНТ, 2015. 233 с. (в примерах указывается номер страницы и номер песни).

*Савушкина 1993* – Русские заговоры / Сост. предисл. и примеч. Н.И. Савушкина. М.: Пресса, 1993. 368 с. (в примерах указывается номер заговора).

*Аникин 1998* – Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953 – 1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. М.: Изд-во МГУ, 1998. 480 с. (в примерах указывается номер заговора).

*Топорков 2010* – Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А.Л. Топоркова. М.: Издательство «Индрик», 2010. 832 с. (в примерах указывается номер заговора).

*РПК 1940* – Русские плачи Карелии / под ред. проф. М.К. Азадовского. Петрозаводск: ГИЗ Карело-Финской ССР, 1940. 321 с.

*Селянгина К.Н.* Календарь народных примет погоды на все дни года / Национальная библиотека Республики Алтай; Составитель К.Н. Селянгина. Горно-Алтайск: Национальная библиотека Республики Алтай, 2005. 74 с. [Электронный ресурс]. URL: [https://royallib.com/read/selyangina\\_klara/kalendar\\_narodnih\\_primet\\_pogodi\\_n](https://royallib.com/read/selyangina_klara/kalendar_narodnih_primet_pogodi_n)

[a\\_vse\\_dni\\_goda.html#0](#) (дата обращения 31.05.2023).

*Стрижев А.Н.* Календарь русской природы. М.: Московский рабочий, 1972. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000041/st000.shtml> (дата обращения 31.05.2023).

*Супряга С.В.* К вопросу о лексикологическом и хронологическом анализе лексики казачьих песен // Теория языка и межкультурная коммуникация, 2021. № 2 (41). С. 229-241. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_46245466\\_98523385.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46245466_98523385.pdf) (дата обращения: 31.05.2023).

*Толстая С.М.* Ритм и инерция в структуре заговорного текста // Заговорный текст. Генезис и структура. М., Индрик, 2005. С. 292-308.

*Харченко В.К., Тонкова Е.Е.* Лингвистика народной приметы. Монография. Белгород: Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. 224 с.

*Хроленко А.Т.* Поэтическая фразеология русской народной лирической песни / А.Т. Хроленко. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 162 с.

*Хроленко А.Т., Бобунова М.А., Завалишина К.Г.* Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2004. № 2. С. 47-52.

*Селиванов 1990* – Частушки. Библиотека русского фольклора / Сост., вступит. ст., подгот. текстов и комментарии Ф.М. Селиванова. Т. 9. М.: Советская Россия, 1990. 656 с.

*Власова, Горелов 1965* – Частушки в записях советского времени / Подгот.: З.И. Власова, А.А. Горелов; Отв. ред. Б.Н. Путилов. М.-Л.: Наука, 1965. 496 с. (в примерах указан номер частушки).

*Черноусова И.П.* Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былин): монография. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. 151 с.

## References

Artemenko E.B. Sintaksicheskii stroi russkoi narodnoi liricheskoi pesni v aspekte ee khudozhestvennoi organizatsii. Voronezh: VGU, 1977. 160 s.

Barsov E.V. Prichitaniya Severnogo kraya, sobrannye E.V. Barsovyim. CH. 1: (Plachi pokhoronnye, nadgrobnye i nadmogil'nye). M.: Tip. «Sovremennye izvestiYA», 1872. [8], XXXI, 327, XXXIII s.

Bobunova M.A. Leksikograficheskii kompleks kak istochnik izucheniya yazyka fol'klora // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2016. № 3 (22). S. 13–18. [Elektronnyi resurs]. URL: [https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/022-003\\_Uf68oMg.pdf](https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/022-003_Uf68oMg.pdf) (data obrashcheniya: 31.05.23).

Bobunova M.A., Klimas I.S. Kontsept «STARYI» v russkom ehpose // Teoriya yazyka

i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2019. № 2 (33). S. 17-28. [Elektronnyi resurs]. URL: [https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get\\_pdf/3240](https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3240) (data obrashcheniya: 31.05.23).

Astakhova 1961 – Byliny Pechory i Zimnego berega: (novye zapisi) / izd. podgot. A.M. Astakhova. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, Leningr. otd-nie, 1961. 608 s.

Khudyakov 1964 – Velikorusskie skazki v zapisyakh I.A. Khudyakova. M.-L.: Nauka, 1964. 301 s. (v primerakh ukazyvaetsya nomer stranitsy i nomer skazki).

Veselovskii A.N. Istoricheskaya poehtika. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1940. 648 s.

Dal' V.I. Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. M.: Ehksmo-Press, 2000. 468 s.

Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda. / Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa. Spb.: Gostinyi dvor, №№ 17 i 18; M.: Kuznetskii most, d. Tret'yakova, 1879. Tom I. 685 s. Tom II. 638 s.

Dobrova S.I. Krosskul'turnyi aspekt kharakteristiki mesta otsylki bolezni v russkikh i bolgarskikh lechebnykh zagovorakh // Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniyu: mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov. Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, Filologicheskii universitet, Kafedra slavyanskoi filologii. Voronezh, 2018. S. 230-241.

Dobrova S.I. Morfogenez obraznogo parallelizma makro- i mikrokosma v russkikh narodnykh zagadkakh // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Philology. Theory & Practice. 2023. Tom 16. Vypusk 3. S. 780-788. <https://doi.org/10.30853/phil20230093>

Dobrova S.I. Semantika sub"ektnogo plana i tipologiya formul parallelizmov-binomov (na materiale zagovornykh tekstov) // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 1 (260). S. 192-198.

Dobrova S.I. Tekhnologiya parallelisticheskogo analiza kak instrument krosskul'turnoi lingvofol'kloristiki (na materiale formuly otsylki bolezni v russkikh i bolgarskikh zagovorakh) // Filologiya i chelovek. 2018<sub>1</sub>. № 1. S. 97-108.

Dobrova S.I. Tipologiya obraznykh parallelizmov v sostave schetnykh ryadov (na materiale russkikh narodnykh liricheskikh pesen) // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2021. № 3 (42). S. 42-59. [Elektronnyi resurs]. URL: [https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get\\_pdf/4109/](https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4109/) (data obrashcheniya: 31.05.23).

Dobrova S.I. Ehvolyutsiya semioticheskikh osnov obraznogo parallelizma makro- i mikrokosma v fol'klornom tekste // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2022. № 2 (45). S. 94-113. [Elektronnyi resurs]. URL: [https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get\\_pdf/4435/](https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4435/) (data obrashcheniya: 31.05.23).

Dobrova S.I. Ehvolyutsiya khudozhestvennykh form fol'klora v svete dinamiki narodnogo mirovospriyatiya: monografiya. Voronezh: VGPU, 2004. 175 s.

Ermolov A.S. Narodnaya sel'skokhozyaistvennaya mudrost' v poslovitsakh, pogovorkakh i primetakh. V 4 tomakh. Spb.: tip. A.S. Suvorina, 1901-1905. T. 4: Narodnoe pogodovedenie. 1905. XII, [2], 468 s.

Zharkov S.N. Narodnye primety i predskazaniya pogody. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, 1954. 169 s. (v primerakh ukazyvaetsya nomer primety).

Ignatov V.I. Russkie istoricheskie pesni: khrestomatiya. M.: Vysshaya shkola, 1970. 255 s. (v primerakh ukazyvaetsya nomer stranitsy i nomer pesni).

Kapitsa F.S. Russkii detskii fol'klor: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / F.S. Kapitsa, T.M. Kolyadich. M.: Flinta: Nauka, 2002. 320 s.

Larina L.I., Malykhina T.M., Pravednikov S.P. Eshche raz o regional'noi samobytnosti bylinnoi leksiki // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2018. № 1 (28). [Elektronnyi resurs]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-007.pdf> (data obrashcheniya: 31.05.23).

Lebedeva S.V., Denisova V.V., Starodubtseva E.A. Konventsional'naya sinonimiya v

mental'nom leksikone // *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2017. № 3 (26). S. 78-84. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/026-010.pdf> (data obrashcheniya: 31.05.23).

Lebedeva S.V., Denisova V.V., Starodubtseva E.A. Psikholingvisticheskie aspekty semanticheskogo skhodstva // *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2017<sub>1</sub>. № 4 (27). S. 68-76. [Elektronnyi resurs]. URL: [https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/027-010\\_AYf2XVo.pdf](https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/027-010_AYf2XVo.pdf) (data obrashcheniya: 31.05.23).

Loginov K.K. Ehtnokul'turnaya gruppa russkikh Vodlozer'ya. [Otv. red. A.K. Baiburin]. M.: Nauka, 2006. 276 s.

Meletinskii E.M. Ehdda i rannie formy ehposa (Seriya «Issledovaniya po teorii i istorii ehposA»). M.: Nauka, 1968. 364 s.

Cherepanova 1996 – Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa / sost. i avt. komment. O.A.Cherepanova. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 1996. 209 s. (v primerakh ukazyvaetsya nomer teksta).

Astakhova 1963 – Narodnye ballady. Vstup. st., podgot. teksta i primech. D. M. Balashova; obshch. red. A. M. Astakhovoi. M.-L.: Sovetskii pisatel', 1963. 449 s.

Ryzhenkov 1992 – Narodnyi mesyatseslov: Poslovitsy, pogovorki, primety, prislov'ya o vremenakh goda i o pogode / Sost. G.D. Ryzhenkov. M.: Sovremennik, 1992. 127 s. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://libking.ru/books/adv-/adv-animal/1083975-5-georgij-ryzhenkov-narodnyj-mesyaceslov.html#book> (data obrashcheniya 31.05.2023).

Afanas'ev 1957 – Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva: v 3 tomakh. – M.: Goslitizdat [Leningr. otd-nie], 1957. T. I. 515 s.; 1957. T. II. 510 s.; 1958. T. III. 562 s. (v primerakh ukazyvaetsya nomer stranitsy i nomer skazki).

Ossovetskii I.A. Stilisticheskie funktsii nekotorykh suffiksov imen sushchestvitel'nykh v russkoi narodnoi liricheskoi pesne // *Trudy Instituta yazykoznaniya AN SSSR*. T. 7. M., 1957. S. 468-505.

Kireevskii 1911-1929 – Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim. Novaya seriya / Pod red. Akad. V.F. Millera i prof. M.N. Speranskogo. M.: O-vo lyubitelei ross. slovesnosti pri Mosk. Un-te, 1911-1929. Vyp. I-II. Vyp. I: Pesni obryadovye. M., 1911. 356 s. Vyp. II., ch. 1: Pesni neobryadovye. M., 1917. 125 s. Vyp. II., ch. 2: Pesni neobryadovye. M., 1929. 389 s. (v primerakh ukazyvaetsya nomer pesni).

Kezhma 2015 – Pesni staroi Kezhmy: fol'klornye ehkspeditsionnye materialy / sost. N. A. Novoselova; Kraevoe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie kul'tury «Gosudarstvennyi tsentr narodnogo tvorchestva Krasnoyarskogo kraja». Krasnoyarsk: GTSNT, 2015. 233 s. (v primerakh ukazyvaetsya nomer stranitsy i nomer pesni).

Savushkina 1993 – Russkie zagovory / Sost. predisl. i primech. N.I. Savushkina. M.: Pressa, 1993. 368 s. (v primerakh ukazyvaetsya nomer zagovora).

Anikin 1998 – Russkie zagovory i zaklinaniya: Materialy fol'klornykh ehkspeditsii 1953 – 1993 gg. / Pod red. V.P. Anikina. M.: Izd-vo MGU, 1998. 480 s. (v primerakh ukazyvaetsya nomer zagovora).

Toporkov 2010 – Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoi poloviny XIX v. / Sostavlenie, podgotovka tekstov, stat'i i kommentarii A.L. Toporkova. M.: Izdatel'stvo «IndriK», 2010. 832 s. (v primerakh ukazyvaetsya nomer zagovora).

RPK 1940 – Russkie plachi Karelii / pod red. prof. M.K. Azadovskogo. Petrozavodsk: GIZ Karelo-Finskoi SSR, 1940. 321 s.

Selyangina K.N. Kalendar' narodnykh primet pogody na vse dni goda / Natsional'naya biblioteka Respubliki Altai; Sostavitel' K.N. Selyangina. Gorno-Altaysk: Natsional'naya biblioteka Respubliki Altai, 2005. 74 s. [Elektronnyi resurs]. URL: [https://royallib.com/read/selyangina\\_klara/kalendar\\_narodnih\\_primet\\_pogodi\\_na\\_vse\\_dni\\_goda.html#0](https://royallib.com/read/selyangina_klara/kalendar_narodnih_primet_pogodi_na_vse_dni_goda.html#0) (data obrashcheniya 31.05.2023).



Strizhev A.N. Kalendar' russkoi prirody. M.: Moskovskii rabochii, 1972. 272 s. [Ehlektronnyi resurs]. URL: <http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z00000041/st000.shtml> (data obrashcheniya 31.05.2023).

Supryaga S.V. K voprosu o leksikologicheskom i khronologicheskom analize leksiki kazach'ikh pesen // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, 2021. № 2 (41) S. 229-241. [Ehlektronnyi resurs]. URL: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_46245466\\_98523385.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46245466_98523385.pdf) (data obrashcheniya: 31.05.2023).

Tolstaya S.M. Ritm i inertsiya v strukture zagovornogo teksta // Zagovornyi tekst. Genezis i struktura. M., Indrik, 2005. S. 292-308.

Kharchenko V.K., Tonkova E.E. Lingvistika narodnoi primety. Monografiya. Belgorod: Izd-vo OAO «Belgorodskaya oblastnaya tipografiya», 2008. 224 s.

Khrolenko A.T. Poeticheskaya frazeologiya russkoi narodnoi liricheskoi pesni / A.T. Khrolenko. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1981. 162 s.

Khrolenko A.T., Bobunova M.A., Zavalishina K.G. Sopostavitel'naya i krosskul'turnaya lingvofol'kloristika // Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki. 2004. № 2. S. 47-52.

Selivanov 1990 – Chastushki. Biblioteka russkogo fol'klora / Sost., vstupit. st., podgot. tekstov i kommentarii F.M. Selivanova. T. 9. M.: Sovetskaya Rossiya, 1990. 656 s.

Vlasova, Gorelov 1965 – Chastushki v zapisyakh sovetskogo vremeni / Podgot.: Z.I. Vlasova, A. A. Gorelov; Otv. Red. B.N. Putilov. M.-L.: Nauka, 1965. 496 s. (v primerakh ukazan nomer chastushki).

Chernousova I.P. Yazyk fol'klora kak otrazhenie ehntnicheskoi mental'nosti (na materiale fol'klornoi kontseptosfery russkoi volshebnoi skazki i bylin): monografiya. Lipetsk: LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2022. 151 s.